

**ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ VS. ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ.
ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА****LANGUAGE IDENTITY IN OFFICIAL DOCUMENTS.
TRANSLATION PRACTICE***JARMILA OPALKOVA***Абстракт**

Статья посвящена анализу концепта языковая идентичность на фоне проблемы перевода документов, при наличии разных графических систем. В прикладном плане автор пытается указать на несостоятельность тезиса о возможности достижения консенсуса по вопросу унификации, даже на уровне стран ЕС, посредством коррекции функционирования формальных механизмов, например, внедрения единого международного стандарта по транслитерации; приводит примеры из практики перевода антропонимов с русского на словацкий язык, указывает, как влияет чувство национального суверенитета и традиции на внешние законы, действующие в современном мире глобализации и интернационализации. Кроме вопроса внутреннего единения этноса, внимание автора статьи сосредоточено на вопросе статуса культурных сообществ, как суверенных единиц.

Ключевые слова: языковая идентичность, норма перевода, международная транслитерация, антропонимы, корреляционные графические системы: кириллица, латиница.

Abstract

The issue of linguistic identity as a status of identity of each cultural community is reflected in the paper from the perspective of extralingual and linguistic specifics. A special focus lies on the demonstration of the dissonance of the transcription of onymic structures of the source text, resp. of Cyrillic-mediated anthroponyms into Latin. The openness of the question declares the instability of the transliteration norm of transcription and the conflict at the level of domestic tradition vs. international trends of globalization in real practice. The article is a probe into the issue of contrastive translatology from the perspective of language policies applied in the EU, RF and SR. The author tries to demonstrate at the application level how in the social practice the pressure of globalization and internationalization forces ethnicities to unify some procedures in dealing with an aspect such as interlingual communication.

Keywords: language identity, norms of translation, international transliteration, transcription of personal names, correlated graphic writing systems: Latin, Cyrillic.

Введение

В связи с глобализацией мира и стремлением упростить формальные механизмы, к которым принадлежат языки как специфические знаковые системы с огромным потенциалом, но генетическим разнообразием, препятствующим коммуникации без посредничества, появляется борьба двух антагонизмов: с одной стороны тенденция к унификации, а с другой – борьба за сохранение единичного, частного. В науке в качестве социолингвистической и психолингвистической проблемы на переднем плане находится задача определения сущности и места вопроса языковой идентичности. Язык – средство социализации человека в обществе, усвоения им культурных норм, реализации его эмоционального и когнитивного статуса в рамках повседневной деятельности, автоидентификации как члена этнической структуры. В рамках такой организационной

единицы, какой является многонациональное государство, (например, Российская Федерация), языковая идентичность определяется как совокупность языковых характеристик индивида и группы (языковая компетенция, речевое поведение, отношение к языкам, языковая установка). Языковую идентификацию можно определить как постоянный процесс инкультурации и интеграции человека в общество. Если же общество многоязычно, то языковая идентификация осложняется выбором одного из языков и необходимостью непрерывного определения собственного отношения к этим языкам. Вместе с тем, поскольку идентичность (в том числе языковая) выбирается, может возникнуть 'кризис идентичностей', как утверждают не столько лингвисты, сколько социологи и политики, благодаря чему возможен переход от одной языковой идентичности к другой, более актуальной в данном пространстве в данное время. В Словакии, например, после распада Чехословакии, часть представителей этнического меньшинства, ранее использовавшая в качестве литературного украинский язык, в официальных документах стала указывать национальность «русины». В настоящее время, государство СР признало русинский язык как официальный для данного этникума (искусственно обработанный вариант одного из русинско-украинских говоров восточной Словакии).

Билингвизм на практике

В рамках разных исследований были предприняты попытки классифицировать типы соотношений языковой и этнической идентичности билингвалов. Среди них находим, например, такие: 1. бесконфликтная билингвальная личность, когда языковая и этническая идентичности полностью совпадают; языковая и этническая идентичности не совпадают, но не порождают языковых конфликтов, т.е. личность не стоит перед выбором, какой из языков «родной»; 2. билингвальная личность с проблемной идентификацией, когда языковая и этническая идентичность не совпадают: личность, поменявшая языковую идентичность под влиянием каких-либо внешних причин при сохранении этнической идентичности; личность, испытывающая трудности с языковой идентификацией (примерно в равной степени владеющая обоими языками, в СР, например, цыгане, редко венгры, украинцы/русинь); личность, неверно оценивающая свою языковую идентичность (например, дети венгров с обострённым национальным самосознанием, не желающие признать своим словацкий язык по причине слабого владения и знания автохтонного языка). Казалось бы, что, например, такое маленькое государство как Словакия (по сравнению с Россией), не будет решать проблему определения типа языковой идентичности. Тем не менее, руководству Словацкой Республики пришлось предпринять адекватные меры для обеспечения прав всех членов содружества основной нации – словаков и представителей национальных меньшинств (венгров, украинцев/русинь, цыган, а также незначительной коммунитарной группы поляков, немцев и чехов). Несмотря на то, что в Конституции Словацкой Республики указано: государственным языком является словацкий язык, который является одновременно языком официальных документов всех уровней общественной жизни – административных (метрические, медицинские и др.), юридических, деловых и коммерческих бумаг, включительно церковной документации, представители отдельных меньшинств имеют в рамках официальной коммуникации право пользоваться родным языком и услугами переводчика бесплатно, равным образом, как и иностранные граждане.

Особый интерес представляет тот диапазон вопроса, который связан с участием стран на решении проблем мирового значения как в области политики, так и культуры. В свободную Европу едут потоками разного рода мигранты, иностранные граждане, коммуникация с которыми начинается на, так сказать, паспортной основе. И как раз здесь показательно, как антагонистически стоят друг против друга тенденция к унификации, в данном случае коммуникация посредством одного общего языка (английский, в качестве

'lingua franca'), и тенденция к народной и национальной аппроксимации. Кроме стремления сохранить этнический статус, представители стран Европы не соглашаются с мнением, что все документы, связанные общими интересами стран-членов ЕС должны быть составлены только на английском языке. Проблемой является даже применение общей графической системы при оформлении документов, предназначенных для коммуникации в странах с разными графемами.

Итак, справедливым оказывается мнение В. Г. Костомарова (1991, с. 19 – 15) о том, что в норме у человека не бывает двух материнских языков, подобно тому, как не бывает двух родных матерей. Вместе с тем он допускает возможность того, что „выученный язык может стать в жизни человека важнее родного, который, однако, и при забвении 'остаётся матерью, пусть и менее любимой, чем мачеха“.

Международная транслитерация и госстандарты

В доказательство вышесказанного можно привести пример из области коммуникации на уровне перевода официальных документов, причем из множества возможных аспектов достаточно уделить внимание интерпретации вопроса и практике передачи антропонимов на письме, т.е. посредством транслитерации или практической транскрипции и применении собственной парадигматики (морфемные структуры). Транслитерация, как известно, представляет формальное побуквенное воссоздание исходной таксономической единицы с помощью графической системы переводящего языка (Pravidlá slovenského pravopisu, 2000, с. 42). От практической транскрипции она отличается технической комфортностью и возможностью введения дополнительных знаков. Транслитерация, по Правилам словацкого правописания (ПСП), как основного документа САН, должна применяться при составлении библиографических указателей, организации каталогов, в публицистическом стиле, особенно когда речь идет о довольно известных в мире личностях – артистах, режиссерах и т.п. (*Anthony Horowitz, Robbie Williams, Avril Lavigne* – причем в последнем случае без добавления окончания *-ová /-ова*, которое в словацком культурном пространстве является одним из двух возможных (*-ова* или *-а*) составных компонентов наименований фамилий женского рода. В русском языке, в отличие от словацкого, транслитерация используется иногда, но не часто, например как способ включения иностранного слова в целевой текст, особенно когда графемный состав (напр. латиница в русском тексте) не искажает звуковой облик иноязычного компонента. Именно этот факт во многом предопределяет способ передачи иностранной структуры внешней формы слова (примеры на практике см., например, в учебниках и др. работах словацких лингвистов: Антомякова, 2010; Seresova, 2014; Charfaoui, 2008 а). Принцип транслитерации оправдан тогда, когда в языках используются различные графические системы (например, словацкий, венгерский, немецкий, французский, испанский, финский, итальянский, английский, чешский и т. п.), но буквы (или графические единицы) этих языков можно поставить в какое-то соответствие друг другу, и согласно этим соответствиям происходит межъязыковая передача особых словесных знаков, какими, в свою очередь, являются и имена собственные (антропонимы). И, как отмечают разные научные источники, поскольку, например, латиница и кириллица имеют общую основу, то большинство букв этих графических систем могут быть поставлены в соответствие друг другу с учетом тех звуков, которые они регулярно обозначают. Транслитерация имеет как преимущества, так и недостатки не только в отношении русского языка, для которого в силу отдельных отличий его графической системы от латиницы такой способ формального посредничества любого вида информации в подавляющем большинстве для реципиента некомфортный, и практически всегда связан с затруднениями при восприятии когнитивных структур, присущих оригиналу. Преимущества очевидны к той культуре, где латиница стоит в оппозиции к латинице, кириллица в оппозиции к кириллице (русский vs., например, болгарский), т.е. где письменный вариант имени не искажается, его носитель

имеет универсальную, независимую от языка идентификацию. Такое положение удобно для визуализации, особенно в сфере профессиональной коммуникации, в том числе юридической, правовой, в рамках проверки документов официального характера. На этом принципе, т.е. на принципе транслитерации, в частности онимических структур текста, в настоящее время в странах бывшего Советского Союза основана паспортная политика, т.е. способ оформления заграничных паспортов граждан, причем в оппозиции находятся диаметрально различные (не смотря и на указанное сходство) графические системы: кириллица / латиница.

Необходимо также указать, что с другой стороны, при транслитерации язык-реципиент навязывает произношение по собственным правилам (см. Карасик, 2002). Очевидно поэтому в настоящее время транслитерация в чистом виде в русской языковой практике, т.е. от латиницы к кириллице, в повседневной практике не применяется. Особую категорию представляет перевод документов, необходимый для коммерческой коммуникации, где каждое искажение может понести за собой экономические, материальные, а также моральные потери. В словацкой языковой среде, в силу многолетнего опыта чтения с детских лет разноязычной переводной литературы, где литературные персонажи выступали как ‘англичане’ *Smith, Lucien Leuwen, Harry Potter*, ‘французы’, *Joffré u Angelika*, ‘норвежцы’ – *Adelheida, Jörn*, в исходном графическом оформлении, транслитерация представляла естественный способ визуальной коммуникации с иностранцами. Правда, детский, да и взрослый читатель, в большинстве случаев, если произведение не входило в школьную литературную программу, не мог даже сто раз увиденное произнести вслух правильно, если не изучал язык-источник (ср. зарубежная литература), или если кто-то не подсказал ему, как правильно произнести иностранное имя. Пересказы школьных литературных текстов (не словацкого автора) отличались тем, что учащийся сам придавал фонетический облик именам персонажей, особенно, если графическая структура резко отличалась от свойственных словацкому языку форм. В настоящее время возможен простой перенос графической формы имени без изменений из текста на одном языке в текст на другом языке, однако, как уже было указано, такое чаще всего практикуется, когда языки пользуются общей графической основой письменности (см. например Charfaoui, 2008b; Seresova, 2014). Данный принцип распространился в большинстве стран, пользующихся латинской графикой. В западноевропейских языках имена собственные, заимствуемые из одного языка в другой, как правило, не меняют орфографию, благодаря чему сравнительно легче ориентироваться в письменных источниках. Например, при использовании в англоязычном тексте имени из языка, письменность которого основана на латинице, имя собственное не претерпевает изменения. При этом желательно, чтобы воспроизводились и те буквы, которые отсутствуют в английском алфавите. Недостаток практики прямого переноса состоит в том, что говорящие на другом языке часто не могут по написанию определить, как произносится иноязычное имя собственное (ср. вышеуказанные примеры английских, французских, норвежских антропонимов).

Практическая транскрипция

В процессе перевода имени в графическую форму, свойственную языку-источнику, реципиенты, в случае неспособности декодировать произношение потенциально не совпадающих графем, как правило, при его произношении пользуются правилами чтения на своём родном языке. Например, чешскую фамилию *Tesař* [тэсарж] немцы произнесут по-немецки [тэзар], да практически никто (кроме как выходцев из одной части Франции, где оно имеет генетически местный диалектный статус) из иноземцев, как правило, букву *ř* правильно произнести не может, равным образом, как не умеют идентифицировать словацкий дифтонг „ô“ (yo) – *Potôčik, Hôrny, Štôla*. Не мене интересно дело обстоит в отношении норвежских, или других, „латинобуквенных“ этносов. В целом, большинство

имен и разных названий передается в настоящее время средствами родной графики. Хотя имя собственное призвано идентифицировать объект в любой ситуации и любом языковом коллективе, оно, как правило, обладает национально-языковой принадлежностью. В каждом языковом коллективе имеются лица иной национальной принадлежности. При передаче на другой язык возникает вопрос: в какой мере эти имена сохранили черты своеобразия того языка, из которого пришли. Имя собственное – конвенциональный знак, в прошлом всегда реалия. Транскрибированные имена собственные наряду с остальными реалиями являются теми немногими элементами перевода, которые сохраняют определенное национальное своеобразие в своей словесной звуковой форме. Таким образом, например, венгерское, польское, французское, английское слово, даже будучи написанным кириллицей, остается венгерским, польским, французским, английским словом, и не теряет своего национального колорита. При переводе с русского языка надо особенно внимательно относиться к именам иностранного происхождения, транскрибированным по-русски. В Словакии такие правила имеются в официальном справочнике *Правила словацкого правописания (Pravidlá slovenského pravopisu)*, составленном Словацкой академией наук. Практическую транскрипцию следует отличать, с одной стороны, от перевода и, с другой стороны, от транслитерации. Общим для транскрипции, перевода и транслитерации является то, что они служат средствами передачи слов (в том числе и имен собственных) из какого-либо языка в заимствующий язык; различие заключается в средствах, используемых для этой передачи. Транскрипция собственных имен с латиницы на кириллицу нередко представляет значительную трудность в связи с рядом обстоятельств, например, как правило, транскриптору попадает чужеземное собственное имя в его графической форме без фонетической транскрипции или специальных указаний на произношение. В таких случаях, особенно если в состав имени собственного входят сочетания, произношение которых может быть различным, необходимо уточнить чтение имени по каким-либо специальным справочникам, среди которых можно привести в качестве примера, уже ставший классическим, справочник Гиляревского и Старостина (1978), используемый и в Словакии. Многие имена собственные пришли как в словацкий, так и русский язык давно, причем не всегда из первоисточника, и не все из них читаются и пишутся так, как указывают современные нормы в области практической транскрипции. При передаче имен собственных возможны некоторые отступления от общих правил транскрипции, нацеленные на более удобное произношение в принимающем языке. Своеобразным отклонением от оригинала может являться постановка ударения на другой слог в иностранном имени при его произнесении или написании на русском языке (словацкое *Мѣрия* на русское *Марѣя*; *Владимѣр* vs. *Владѣмир*). Таким образом, некоторые имена при заимствовании в русском языке (и не только в нем) могут получать варианты, особенно, если графическая система другого языка содержит буквы и/или фонемы, которыми данный язык не располагает, например, *аш* – *Н/н*. Транскрипция иноязычных имен часто приводит к появлению не свойственных языку звуко- и буквосочетаний.

Антропонимы в официальных документах. Практика перевода

Кроме транскрипции и транслитерации в практике заимствования и передачи имен наблюдается еще один слабоизученный принцип – принцип этимологического соответствия, или транспозиции. Транспозиция заключается в том, что имена собственные в разных языках, которые различаются по форме, но имеют общее лингвистическое происхождение, используются для передачи друг друга. В одних случаях транспозиция применяется регулярно, в других – эпизодически. Это можно пояснить на примере близкородственных славянских языков. В отличие, например, от западноевропейских языков, где практикуется транслитерация, одно и то же имя или название имеет разное произношение и написание в русском, украинском и белорусском языках. Такая

транспозиция последовательно проводилась, например, еще в паспортной системе СССР. Как известно, в национальных республиках Советского Союза титульная страница паспорта дублировалась на двух языках – русском (как официальном языке Советского Союза) и официальном языке союзной республики. При передаче собственных имён на словацкий язык, украинский и белорусский варианты таких имен при переводе даже официальных документов (свидетельство о рождении, диплом и пр.) обычно не принимались во внимание, так как официальным языком всего Советского Союза являлся русский, и варианты на латинице строились по принципам практической транскрипции с русского языка (хотя переводчики с украинского языка на словацкий язык также имели право переводить и для них также существовали рекомендации, как поступать в каждом частном случае при передаче имени посредством практической транскрипции именно в указанных *Правилах* того времени). После распада СССР бывшие союзные республики стали самостоятельными государствами, и русский язык утратил у них прежний статус. Перевод таких документов, составленных даже на двух языках, в настоящее время практикуют официальные переводчики Министерства юстиции СР, причем владелец документа имеет право сам решить, с какого языка должен осуществиться перевод. Если украинец не хочет, чтобы его имя было передано с русского варианта текста документа, то ему придется обратиться к переводчику с правом перевода с украинского на словацкий язык. Соответственно, его имя, например *Николай* (рус.) / *Микола* (укр.) переводчик с украинского языка не переписит посредством латиницы с русского варианта в виде *Nikolaj*, а по правилам практической транскрипции, предназначенных для перевода с украинского языка – *Mykola*. Принцип транспозиции использовался в прошлом также в отношении русско- белорусско- украинско- словацких соответствий личных имен, например: *Елена, Олена, Алена / Elena, Helena*, или у белоруссов: *Алена, рус. Евгений / Eugen* (ср. „Евгений Онегин“ / „Eugen Onegin“), *Фёдор / Fedor или Teodor, Марфа / Marta*, так как в справочнике словацких имен именно такие варианты имели свое место (об украинско- словацких соответствиях см.: Čižmárová, Beley, 2013).

Вопросы, связанные с транслитерацией фамилий в русской среде возникают не только при получении заграничного паспорта, но в настоящее время также при поиске однофамильцев в англоговорящей сети, при попытке иностранцев найти своих предков и родственников в России, или по другим специфическим усмотрениям. Русские ИС, их функционирование и передача на другие языки посредством разных графических систем и на сегодняшний момент заслуживают особого внимания. В результате стремительного развития миграции, необходимость пристального изучения вопроса предстает не только в политико-экономическом ракурсе, но и в лингвистическом, и, в связи с тем, переводческом, и тем самым – сравнительно-лингво-транслатологическом. Основным способом для передачи русских антропонимов, как утверждают некоторые источники, является транскрипция. Правила транскрипции для передачи имени и фамилии в паспорте, например, гражданина Республики Беларусь регламентируются Международной организацией гражданской авиации. Предлагаемый паспортными службами вариант самостоятельного написания имени и фамилии на английском языке с точки зрения белорусов, как указывают они сами, не совсем оправдан, поскольку в случае унификации написания фамилии членами одной семьи или рода это может привести к негативным последствиям в юридическом отношении. Это связано с тем, что в ряде случаев возможны варианты переписи одного и того же антропонима, что приводит к дезориентации.

Официальные документы, которые могут потребоваться человеку за границей, насыщены именами собственными – имя, фамилия, отчество, место рождения, адрес проживания, название выдавшей документ организации. Официальный перевод такого рода единиц имеет ряд своих отличий, которые следует учитывать не только переводчику, но в условиях некоторых стран, к которым, как показал наш анализ, и нотариус. Так как юриспруденция не допускает неточностей, были разработаны специальные правила

переписи имен собственных в документах, причем в разных странах мира они основаны на разных принципах, притом не только лингвистической природы, но и официальной политической ориентации страны.

Под термином «антропоним» скрывается не только собственно имя, но также фамилия, отчество, прозвище, псевдоним. При использовании в межъязыковой коммуникации они подчиняются определенным переводческим и лингвистическим нормам, а также, в какой-то мере, нормам политико-культурным. При оформлении заграничных паспортов, например русских граждан, при передаче онимических структур текста применяется латиница, но реализуется она не посредством практической транскрипции (когда специалист стремится сохранить оригинальное звучание), а посредством средств транслитерации. Каждой букве в соответствии с указанным подбирается аналог из другого языка. В международной коммуникации, во избежание шумов, нормой стало использование классического латинского алфавита. Соответственно, и во всех других документах, которые требуются за границей, следует использовать одну и ту же форму написания.

Не смотря на то, что словацкая графическая система со времен Людовита Штура (основателя словацкого литературного языка) в общих чертах сходится с латиницей, при оформлении документов применяется два типа передачи иноязычных имен, а именно: практическая (в отличие от фонетической) транскрипция и, так называемая, международная транслитерация ISO, которая, однако, как показали результаты наших исследований, на самом деле не представляет закрытую систему, и в разных странах имеются ее варианты.

Лингвистами установлено, что проблема транслитерации антропонимов, в особенности фамилий, впервые масштабно рассматривалась при создании каталогов книг прусских библиотек, когда появилась необходимость записи названий книг и фамилий авторов с помощью единой орфографической системы. Составленные в XIX – начале XX вв. с этой целью специальные инструкции были приняты за основу при создании правил транслитерации Международной организацией стандартов (ISO). В рекомендации при этом указано, что транслитерированные фамилии на каждом языке будут читаться по правилам этого языка по-разному.

Анализируя современное состояние разработки проблемы перевода (в значении переноса информации о статусе и внутренней структуре фонем в оппозиции к графической, формальной структуре данных символов), оказалось, что в Интернете в текстах под респектабельно оформленными заголовками находятся неверные утверждения, которые нуждаются в объяснении и коррекции. Например, автор текста (под знаком: Нотариус), который на практике, по некоторым идентификационным элементам явно работает с переводчиками из украинской среды пишет: *'В паспортах применяется практическая транскрипция. В библиографии, наоборот, предпочитается транслитерация, поскольку она дает однозначные соответствия и обеспечивает точность. При передаче русских имен средствами иноязычной графики часто обращаются к транслитерации на основе славянской латиницы, которой чехи стали писать, обратившись к католицизму'*. Как раз в отношении словацкого и чешского языков дело обстоит сложнее. Паспорт в каждой стране оформляют работники МВД, которые не интересуются, в какую страну гражданин намерен ехать, и антропонимы, например в России, оформляют в настоящее время посредством транслитерации, либо по международному стандарту, например, ISO-R9-1968 (или более поздняя версия), либо в соответствии с русской версией ГОСТ-а (<http://romanbook.ru/book/13784118/?page=7>, http://abcbp.ru/articles/perevod_imen_sobstvennykh). Именно по таким правилам оформленные паспорта в словацком культурном пространстве представляют проблему при коммуникации, поскольку словацкий алфавит сильно отличается от английской системы графических знаков в отношении их значения. Так, например, русская фамилия

Кочетков после транслитерации английскими графемами приобретает вид *Kochetkov*, и данный антропоним в словацкой среде после его прочтения превращается в фамилию *Kočetkov*. Аналогично искажаются фамилии *Чуковский/Chukovskiy* (*Хуковски*), *Чужакин/Chuzhakin* (*Хузхакин*), *Торгачев/Gorbachev* (*Торгахев*). В условиях Словакии официальный переводчик текст паспорта, как правило, не переводит. Переводу однако подвергаются разного рода официальные документы, свидетельства (документы, составленные работником ЗАГСа), аттестаты, дипломы, сертификаты и т.п. Именно они, по требованию словацких госстандартов, должны переводиться с русского языка на словацкий, причем для передачи имен собственных имеются строгие указания как раз в „Правилах словацкого правописания“ (PSP, 2000). Таким образом, словацкое культурное пространство старается сохранить собственную языковую идентичность даже в качестве страны-члена ЕС и в рамках своей внутренней жизни не уступает давлению западной традиции. Хотя, с точки зрения лингвистики, а именно общей западной нормы, это не так, не смотря на существование термина *международная транслитерация*. В каждой стране Центральной и Западной Европы носители языка пользуются своей собственной системой переписи. В связи с этим, естественно, коммуникация на официальном уровне может страдать тем, что, например, в заграничном паспорте русского гражданина имена собственные отличаются своей внешней формой от графических норм принимающей страны. В условиях Словакии искусственно выглядит, например, русский антропоним, переданный посредством английской транслитерации вместо словацкой транскрипции (ср. *Журавлёв/ Zhuravlyov*; словац. *Žuravľov*). Еще более экзотическими являются украинские имена, переданные тем же способом, напр.: *Myroslava Meljnychuk Mykolajivna* (англ./*Мирослава Мельничук Николаевна* (рус.)/; словац. *Miroslava Melničuk Nikolajevna vs. Mikolajevna/Mykolajivna* (см. Čižmárová, Beley, 2013; Opalková, 2006, 2008, 2012).

В Словакии иностранные граждане могут изменить фамилию, причем метрический закон допускает отказ от использования составных частей имени, не принятых в этих странах, например, отчества; для женщин после брака в Словакии – использование фамилии в мужском варианте; замену имени на соответствующий словацкий эквивалент, а при отсутствии такового – выбор нового имени. В условиях СР переводчик обязан соблюдать правила словацкой нормы практической транскрипции, и в случае передачи женских фамилий преобразовать их по правилам словацкой нормы, т.е. к мужской форме фамилии славянского происхождения, законченной на гласный -а, -о или любой согласный, добавить окончание *-ová* (-овá) (*Петров/Petrov – Petrov-ová, Černychová* (ср. с транслитерацией: *Chernykh*; от Черных). Фамилии с формой имени прилагательного в мужском роде на *-ий*, имеют в словацком языке формы женского рода такие же, как и словацкие женские фамилии данного типа, а именно: *Бродский/Бродская – Brodskij/Brodská, Высокый/Высокая – Vysockij/Vysocká, Маяковский/Маяковская – Majakovskij/Majakovská* и т.д.

Не лучшим образом дело обстоит и в случае транслитерации по французским правилам, так как на самом деле, как в предшествующем случае и здесь речь идет не о транслитерации, а практической транскрипции, и чтобы правильно прочитать написанное, необходимо быть осведомленным о системе корректного декодирования как английского, так и французского алфавита.

Заключение

Итак, практика перевода текстов со статусом официальных документов, имеющих юридическую силу, свидетельствует о необходимости уделять внимание рассматриваемой нами проблеме не только в научных кругах, но и на государственном уровне. Учебным заведениям, осуществляющим подготовку профильных специалистов в области лингвистики и перевода следует уделять данному аспекту внимание в рамках изучаемых

учебных дисциплин, а также с точки зрения психолингвистики, социолингвистики, этнолингвистики, культурологии.

ЛИТЕРАТУРА

ANTOŇÁKOVÁ, D. et al. 2010. *Aktuálna lexika ruského a slovenského jazyka ako odraz spoločenských zmien*. Prešov: AF FUP. 247 s.

CHARFAOUI, E. 2008a. Miesto medzikultúrnej komunikácie vo výučbe cudzích jazykov. In: *Kvalita jazykového vzdelávania na univerzitách v Európe II*. Bratislava: Vydavateľstvo EKONÓM, s. 23 – 27.

CHARFAOUI, E. 2008b. Kulturologické smerovanie cudzojazyčnej edukácie v interkultúrnej komunikácii. In: *PRIBULA, M. (Eds). Inovácie, podnikanie, spoločnosť*. Prešov: VŠMP ISM Slovakia v Prešove, s. 447 – 452.

ČIŽMÁROVÁ, M., BELEY, L. 2013. *Osobné mená v ukrajinsko-slovenskej medzijazykovej komunikácii / Особові імена в українсько-словацькій міжмовній комунікації*. Užhorod: Gražda. 91 s.

GOST /ГОСТ http://<http://abcbp.ru/articles/perevod_imen_sobstvennykh> [Cit.: 2019–08–29].

OPALKOVÁ, J. 2006. *Preklad ako mediácia interkultúrnej komunikácie I*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove. Prešov: Grafotlač Prešov. 93 s.

OPALKOVÁ, J. 2008. Interkultúrny aspekt komunikácie v odbornom prostredí a jazyková príprava. In: *PRIBULA, M. 2008. Inovácie, podnikanie, spoločnosť*. Prešov: VŠMP ISM Slovakia v Prešove, s. 372 – 378.

OPALKOVÁ, J. 2012. *Mediácia interkultúrnej komunikácie II*. Súdny prekladateľ. Prešovská univerzita v Prešove, Filozofická fakulta, Prešov: Grafotlač Prešov. 201 s.

SERESOVÁ, K. 2014. Interkulturalita prekladu. In: *Cudzie jazyky v premenách času IV*. Bratislava: Vydavateľstvo EKONÓM.

KARASIK, V.I. 2002. *Jazykovej krug: ličnosť, koncepty, diskurz*. Volgograd: Peremena. 477 s.

Pravidlá slovenského pravopisu (PSP). 2000. Bratislava: Jazykovedný ústav SAV. 590 s.

ГИЛЯРЕВСКИЙ, Р. С., СТАРОСТИН, Б. А. 1978. *Иностранные имена и названия в русском тексте*. Москва: Международные отношения.

КОСТОМАРОВ, В. Г. 1991. Еще раз о понятии родной язык. In: *Русский язык в СССР, №1, с. 9 – 15* Москва: Наука.

Príspevok bol vytvorený v rámci riešenia projektu VEGA č. 1/0060/19 *Slovenské medzijazykové a medziliterárne vzťahy (západoslovenský a východoslovenský kontext)*.

Kontakt:

Doc. PhDr. Jarmila Opalková, CSc.

Prešovská univerzita v Prešove

Filozofická fakulta

Inštitút rusistiky

Ul. 17. novembra 1, 080 01 Prešov

Slovenská republika

Email: jarmila.opalkova@unipo.sk